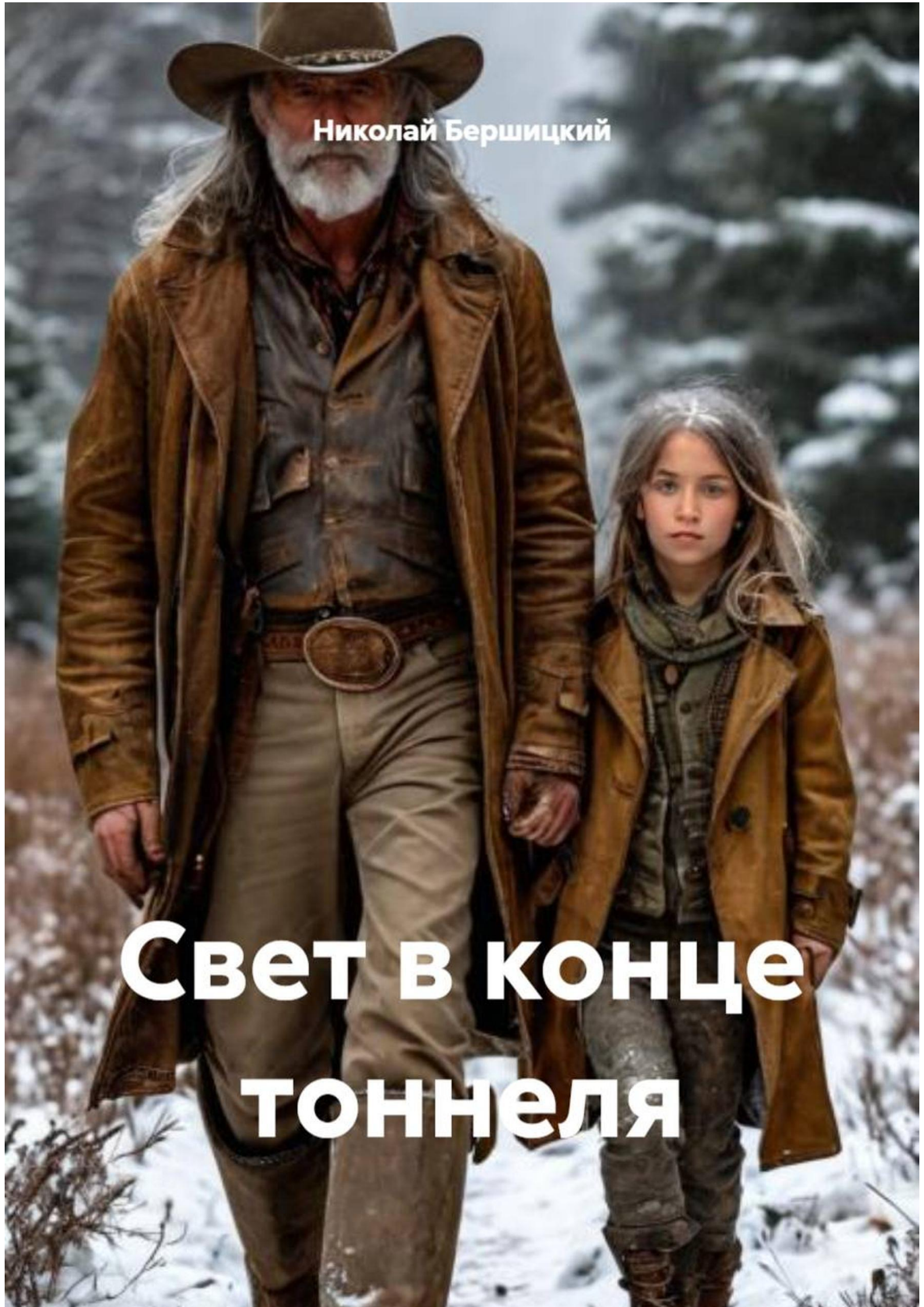

A man with a long white beard and a brown cowboy hat stands next to a young girl with long blonde hair. They are both wearing brown leather coats and are standing in a snowy, mountainous landscape. The man is holding the girl's hand. The background shows snow-covered trees and a clear sky.

Николай Бершицкий

Свет в конце тоннеля

Николай Бершицкий

Свет в конце тоннеля

«Автор»

2025

Бершицкий Н. О.

Свет в конце тоннеля / Н. О. Бершицкий — «Автор», 2025

Конец мира настает. В преддверии Большого Перехода тёмные силы оживились, желая забрать во мрак как можно больше душ, по тем или иным причинам застрявших на Земле. Стремящийся очистить совесть охотник на нечисть Барт Филд и девочка-посланница Святослава, способная выводить души, которую он был выбран защищать, отправились на последнюю миссию. Им предстоит спасти пассажиров поезда-призрака, скованных проклятьем, преодолев все его ловушки и самих себя. Только помимо машиниста, ставшего источником проклятья, поезд ведёт ещё и дьявол, не желающий легко расставаться с добычей.

© Бершицкий Н. О., 2025

© Автор, 2025

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	13
5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Николай Бершицкий

Свет в конце тоннеля

1

Покрытые снегом сосны застыли в безмолвной ночи, словно промёрзли насквозь. Снег хрустел под ногами быстро шагающего юноши шестнадцати лет в слишком лёгкой на вид куртке, уверенно идущего сквозь лес, кажущийся под сенью туч бескрайним. Он будто жил в нём, раз так легко ориентировался. Поспевать за юнцом для Барта Филда было той ещё задачей. Даже его шестьдесят с небольшим лет (а по физической форме он мог бы дать фору сорокалетнему) не сказывались на скорости шага так, как тяжёлый плащ из коричневой потёртой кожи и плотный жилет под ним, да широкополая шляпа, отяжелевшая от насыпавшегося на неё снега. Обрез и револьвер с запасом патронов в небольшой сумке на поясе, увесистые кованые сапоги. Может быть, стоило лучше подготовиться к данной вылазке, только ждать было некогда. Времени оставалось совсем мало. К тому же ОН шёл по пятам.

А ещё мужчина обязан был донести до цели пути её, исполняя возложенный на него долг. Четырнадцатилетняя русая девочка, пристёгнутая ремнями к спине, как рюкзак, не то спала, не то находилась без сознания. Да и преодолеть своим ходом путь, трудный даже испытанному охотнику на нечисть, Святослава не смогла бы после недавних событий. Но именно она заставляла Барта переставлять ноги быстрее, забывая о ломоте в правом плече и усталости. Ради неё он проделал путь через полстраны, ставшей для него родной за последние пару-тройку лет, и забрался в эту глушь.

Сельский паренёк по имени Дима хорошо знал лесок и даже зимней ночью мог найти путь к станции, пускай туда уже много лет не ходили люди. Те, кто в здравом уме, по крайней мере. Либо те, кто не знал, что это за место. В темноте не различалось ничего, кроме вынырывающих словно из другого мира побелённых инеем стволов, а звуков не слышалось вовсе. Ни сов, ни спугнутых зайцев или хотя бы упавшего с ветки снега, обычно присутствующих в лесу даже в такое суровое время. Лишь скрип под ногами и тяжёлое дыхание охотника. То ли дело было в проклятой станции, то ли в том, что Последний день приближался, нависая над всем миром.

– Сынок, не беги так, – просипел на ломаном русском Барт Диме, оглянувшись через плечо на спутницу. Если бы не мерный стук её сердца, можно было бы решить, что девочка мертва. – Всё равно раньше трёх часов ничего не выйдет.

– Прибудем на место пораньше, сможем подготовиться, если он нас нагонит, – задыхаясь морозом, затараторил проводник.

Он с тревогой обернулся назад, продолжая шагать, но кроме смыкающейся тьмы и ровных стволов сосен ничего не увидел. Однако ощущение чьего-то постороннего присутствия не покидало Барта. Наконец тучи немного расползлись, словно отворяющиеся врата, чтобы выпустить большую жёлтую луну, покрывшуюся дополнительными пятнами. Деревья начали редеть, впереди уже стал проступать силуэт большого, похожего на авиационный ангар здания. Дима ускорил шаг, охотник, спотыкаясь и поддерживая ноги Славы, почти побежал за ним, утопая в снегу иногда по колено. Горячие капли пота катились по его раскрасневшемуся небритому лицу, застывая жгучими «шрамами» на щеках, а взмокшие длинные седые волосы перекрывали глаза. Но цель была так близка, что сейчас все трудности не имели значения. Правда, это был вовсе не конец пути, скорее – его начало, только пока о следующем шаге не хотелось даже думать.

В вершинах неподвижных сосен вдруг что-то зашумело, будто некто белкой прыгал с дерева на дерево. Филд даже не стал оборачиваться, хотя револьвер, заряженный заговорён-

ными пулями из серебра в золотой гильзе, вытащил из поясной кобуры. Девочка за его плечами заворчала во сне, да так и осталась безвольно висеть. Проводник тем временем вырвался далеко вперёд, зато его теперь хоть можно было видеть на открывшемся поле, упирающемся в железнодорожную станцию, стоящую тут, судя по всему, с того самого времени, когда пути здесь проложили впервые веке в девятнадцатом. Рельсы не то скрывались под снегом, не то вовсе отсутствовали, учитывая их давность. Но Барт знал точно, что поезд прибудет «по расписанию». Все жители деревушки Боровая, куда цивилизация добралась лишь на уровне пары тракторов и сельмага, рассказывали одно и то же. Каждый год в последний день астрономического цикла, двадцать первого декабря, ровно в три часа ночи сюда пребывает «загробный экспресс», как его прозвали, чтобы забрать новые души. И на него предстояло сесть охотнику и его юной напарнице.

Проводник занырнул в проход галереи без двери, словно надеялся согрелся внутри. Пыхтя и спотыкаясь, охотник дополз следом, вцепился задеревеневшими даже в перчатках пальцами в металлический косяк и буквально затолкнул себя в зал ожиданий. Пустое вытянутое помещение с дырами в крыше и тонущими в снегу ржавыми скамейками выглядело ещё более потусторонним даже на фоне оставленного позади леса. Только сейчас Барт ощутил продавливающий насквозь холод в полной мере.

«Это тебе не Техас, ковбой», – отчётливо прозвучало в его сознании.

Рывками осмотревшись, охотник ожидаемо никого не увидел. Кроме него, Славы и Димы, сидящего на расчищенной им от снега скамье, тут никого не было. Ветер подвывал в дырах в крыше и пустых окнах, стёкла в которых давно не существовали.

– Тебе не холодно, парень? – просипел Филд, опершись о спинку скамьи.

– Я тут родился, – усмехнулся парнишка, опустив глаза. – Бывало ночевал в лесу зимой.

– Гонишь, – поморщился Барт, глянув вдаль, откуда по прикидкам должен был прийти поезд.

– Может один раз, но было, – настоял Дима. – Где-то неподалёку отсюда.

Охотник решил не спорить дальше. Он сам видел вещи постраннее в своей жизни. Такие, что лет тридцать назад не поверил бы ни за что. Если бы Бог не заговорил с ним тогда устами старца в лесу далеко отсюда, дав шанс исправить ошибки прошлого, то так и сидел бы сейчас Барт Филд на крыльце своего ранчо, заливая горе виски и ожидая, когда на его территорию влезет очередной мексиканец, в которого можно разрядить двустволку, или когда начнётся, наконец, ядерная война. Бессмыслица. Да и финал у Земли оказался несколько иным, но об этом Барт пока не знал.

Он прошёл к тому месту, где подразумевались пути. Край перрона находился снаружи той стеклянной галерей метров двадцать в длину, образующей здание вокзала, но можно было изучить обстановку, оставаясь под навесом. Как раз усилился снегопад. Девочка за плечами застонала и заворочалась, слегка приоткрыв глаза.

– Мы уже пришли? – сквозь сон спросила она.

– Почти. Давай я тебя спущу...

– Пускай спит, – вдруг окликнул его Дима. – Мало ли чего. Вместе вам безопаснее.

– Да я... – охотник задумался. – Наверное так. Поспи пока, дочурка.

Ночь становилась всё темнее. Полагаться на часы было бесполезно. Они встали ещё у входа в бор, куда им работать тут! Барт только навскидку по положению луны мог предположить, который час. Снег заволок всё молочной дымкой, похожей на туман. Преследователь не появлялся, но от этого легче не становилось. Ощущения чьего-то злого взгляда не оставляло Филда ни на минуту. И, пожалуй, только присутствие Святославы останавливало злобную тварь от удара в спину. Когда мороз уже пробрал мужчину до костей в отдалении раздался протяжный гудок паровоза, плавно перетёкший в стон или надрывистый вой, затем резко смолк-

нув. Вскоре уже загремели колёса, над горизонтом по правую руку поднялся столб отливающего зелёною дыма.

Ветер усилился, гоня белые волны снега, будто бы расчищая дорогу поезду, и в его порывах, казалось, слышались чьи-то голоса. Воздух гудел и кололся тысячами невидимых иголок, сама реальность словно готовилась к прибытию состава, который давно исчез из этого мира и теперь шёл в свой последний рейс. Где же окажется конечная станция, теперь зависело от девочки-подростка и её верного телохранителя. Смущало, что идущий по их следу демон так и не проявил себя. Но он мог попасть на поезд и иным путём, не рискуя вступать в драку, пускай даже и со смертным. В конце концов именно там, в вагонах, полных потерянных душ, была его территория. Револьвер всё же вновь оказался в ладони Барта, другой рукой он сжал большой серебряный крест, висящий на шее.

Стук колёс приближался, уже сквозь седую пелену пробивался красноватый «глаз» фонаря под трубой паровоза, светящего ярко, но как-то недалеко. Вскоре шипение и грохот сделались настолько громкими, что вытеснили мысли о погоне, услышать которую сейчас было невозможно в любом случае. Это могло сыграть против людей. Испуская столбы белого пара из-под колёс, локомотив прокатился мимо Барта, обдав волной холода, не то гоня морозный воздух, не то испуская мороз самостоятельно. Состав из всего нескольких вагонов поехал по инерции намного дальше станции, сбавляя скорость, и замер лишь, когда самый «хвост» встал у конца перрона. Так что забраться, не утонув в снегу, получилось бы лишь в последний вагон через заднюю дверь.

– Всё, мы пошли, – просипел Филд Диме. – Дать тебе пушку на всякий случай?

– Не надо, – отмахнулся парень. – Лучше я поеду с вами.

– Сдурел что ли? – прищурился охотник. – Ты ведь понимаешь, что этот поезд идёт в один конец, и покинуть его почти невозможно?

– Но ты попытаешься? – хитро подмигнул ему Дима.

– Я-то да, а вот какие шансы у тебя – тот ещё вопрос.

– Одному переть через лес с дьяволом всё равно опаснее, – усмехнулся юнец. – А вам может пригодиться помощь. Особенно, если этот чёрт пролезет-таки безбилетником.

– Дело твоё, – изменившись в лице, ответил Барт. – Этот мир всё равно уже завершает круг. Хочешь подчистить совесть, лезь. Останавливать не стану.

Не дожидаясь проводника, он развернулся и быстро зашагал к пытящему, словно бы он был живым существом, поезду, который стоял на станции всего несколько минут, как гладили байки селян и «товарищей по цеху» Филда. Дверь подалась не сразу, отказываясь пускать живых в «экспресс смерти», но Барт надавил всем телом и оттолкнул её в сторону. Дима легко вскочил на подножку и нырнул внутрь вперёд охотника. Тот аккуратно пролез в вагон, чтобы не задеть Святославу, дверь захлопнулась сама, да так резко, будто её кто-то с силой толкнул обратно. Свет в вагоне, разделённом на купе, моргнул, раздался очередной «вымученный» гудок.

– Ну, поехали, – буркнул себе под нос Барт. – Осталось подправить пункт назначения.

2

Вопреки ожиданиям, вагон изнутри не выглядел таким же мрачным и мертвенным, как поезд снаружи. На стенах горели тусклые жёлтые лампы в узорных плафонах, под ногами лежал мягкий тёмно-красный ковёр, воздух был тёплым, будто по какой-то безумной ошибке к станции-призраку подошёл самый обыкновенный состав, разве только старомодный. Но опытный охотник за нечистью уже нутром чуял присутствие смерти. Невзирая на это, Дима первым полез в крайнее купе, чтобы найти место для привала. Слава заворочалась, зевнула, проморгалась и сама отстегнула держащие её ремни, спрыгнув на пол.

– Ты спала дольше обычного, – мягко проговорил Филд, потрепав девочку по русым волосам негнушимися пальцами. В голосе его прозвучала лёгкая неловкость.

– Надо было набраться сил, – бодро ответила она, приподняв ладони, кожа на которых искрилась. – Выведем их и тебя освободят от клятвы.

– Даже не знаю, радоваться этому или печалиться, – задумчиво проговорил Барт, глядя в дальний конец вагона. – Может, Беримир был прав, зря я притащил тебя сюда в таком состоянии.

– Но тебе ведь это нужно? – почему-то спросил Дима, высунувшись из дверного проёма и скрывшись обратно, как тень. Остальные не спешили следовать за ним.

– Мне... да, пожалуй... – замялся Барт, протерев лицо, горящее от отпечатка мороза. В тепле он ощущался особенно отчётливо по контрасту. Слава с пониманием посмотрела на него, но ничего не сказала.

Состав вздрогнул и начал набирать скорость. Деревянные стенки уютно зашуршали, лампы мигнули пару раз, затем принялись светить чуть тусклее обычного. Пока ничего не навредило на мысль об обитателях этого поезда, попавших в весьма затруднительную ситуацию. И о его мрачном «хранителе». Димы не было слышно слишком долго, Филд сам заглянул в купе, выглядящее, как роскошная гостиная зала в миниатюре или номер старинного отеля. Обитые сиденья-диванчики, столик из дерева, даже нечто вроде люстры на потолке. Парень сидел на одном из диванов, глядя в окно, которое, впрочем, было сплошь закрыто слоем инея, вырисовывающего различные узоры. Таким образом почти нереально было различить хоть что-то, кроме бледного света, хотя на улице и стояла ночь. И что он там только высматривал?

– Э-э, ты как? – одёрнул его Барт.

– А? – очнулся Дима. – Всё хорошо, дядь, не волнуйся. Посланница в порядке? – добавил он, глядя на девочку.

Та тоже одарила его внимательным взглядом, словно пытаясь понять, что за душа, находится под внешней оболочкой, затем молча села на край противоположного кресла. Филд положил на стол тяжело стукнувший револьвер и тоже опустил голову, переводя дух. Некоторое время все молчали. Поезд мерно раскачивался, создавая иллюзию безопасности, будто пытаясь усыпить пассажиров и превратить их в новых узников вечного цикла. Впрочем, этот рейс был последним, а конечная станция находилась в преисподней. Были ли виноваты все жертвы, как страшной катастрофы, что и привела к возникновению поезда-призрака, так и попавшие на его борт позже, теперь мало кого волновало. Дьявол в преддверии Конца должен был получить побольше душ, застрявших в мире, любой ценой. А Она должна была любой ценой спасти их. Барт же защищал Славу, готовый даже отдать жизнь. Как ему казалось. Так хоть немного получится исправить то, что делалось с циничным безразличием многие годы.

В какой-то момент в дальнем конце коридора хлопнула дверь купе проводников, по ковру еле слышно зашуршали колёсики тележки, загремели ложки о стекло стаканов. Барт вскинул голову, будто до этого спал и вдруг проснулся. Кого стоит опасаться, он не знал и сам, но рефлекторно его рука ухватила шершавую рукоять револьвера. Все остальные тоже насторожи-

лись и в ожидании усталились на дверной проём открытого купе. Окна с той стороны состава тоже заиндевели, лишь несколько дырочек и «порезов» оставалось в пелене морозных узоров, бросая странные блики на пол. Гремящая тележка время от времени останавливалась возле других купе, но в эти моменты не было слышно ни речи, ни каких других звуков.

Каждая такая остановка сильнее и сильнее давила на психику Филда, рука с оружием начала дрожать, как будто он готовился в любую секунду вскинуть его и выстрелить. Сидящая рядом с ним девочка, напротив, хранила благостное спокойствие, ожидая с лёгкой улыбкой на губах. Дима нервно вертел головой, его глаза бегали по всему купе, он то и дело прислушивался, что происходит за стенкой. Наконец колёсики зашуршали к последнему купе. Их звук приблизился, но издававшая его тележка появилась не сразу. Как будто звук опережал её на несколько секунд. Как ни странно, она оказалась пуста, хотя бряцанье ложек продолжалось до остановки. Везла тележку старомодно одетая проводница: молодая девушка, чьё зеленоватое тело просвечивало насквозь. Узкое лицо проводницы с чёткими типично славянскими чертами пересекала страшная рана, разделяющая голову почти надвое. Она внимательно осмотрела каждого сидящего в купе безбилетника, мягко улыбнулась и произнесла:

– Не желаете чёрного чаю или закуски?.. Он уже здесь.

Вдруг её рванула невидимая сила, утащив из пределов видимости со скоростью ветра. Свет моргнул и, включившись снова, стал светить ещё тусклее, чем прежде, вагон начал напоминать по мрачности пещеру. Барт вскочил и выглянул в коридор. Там было пусто и тихо, лишь дверцы купе постукивали, ползая взад-вперёд.

– Ладно, нам пора, – выдохнул охотник. – Надо идти. Пускай нас он не достанет в самом начале, но ехать до конечной нам точно не стоит. Ты готова?

– Как всегда, – бодро отозвалась Слава, спрыгнув на пол. – Только соберись, меня смущает колебание твоей ауры.

Барт оставил этот комментарий без внимания. Внутри он ощущал борьбу чувств, среди коих не последнее место занимал стыд, но сам толком не мог объяснить, чем это вызвано. И стоит ли стыдиться за то, что привёл сюда Славу, не обговорив всё заранее? Посланица же обязана спасать каждого, такова её миссия. А ему нужно прощение...

Парень нехотя поднялся и пошёл последним. Он явно стал мрачнее и молчаливее, попав в поезд, за что Барт винить его не смел. Зря Дима вообще впутался в эту историю. Он сам двинулся по коридору, с трудом уместив в нём своё крупное тело в толстом плаще. Приходилось идти бочком, заодно поглядывая в купе по правую руку. В первом же он увидел даму в широкой шляпке, сидящую с понурой головой и мужчину в пиджаке, с опрятными основательными ухоженными усами и круглыми очками на носу. Он держал в руках мятую газету, на страницах которой Барт мельком увидел какие-то исковерканные страданием растянутые рожи. Оба также были полупрозрачными и зелёно-голубыми. При появлении людей усач медленно повернул голову, продемонстрировав зияющую дыру вместо правого глаза, и гудящим голосом спросил:

– Какая следующая станция? Меня жена заждалась. Вы не знаете, когда мы встретимся?

– Постараемся устроить поскорее, – хмуро ответил охотник, шагнул дальше.

В следующем купе сидела семья, пятилетние девочка и мальчик играли в ладушки, не обращая внимания на проходящих мимо чужаков. Родите лишь тоскливо посмотрели на живых, понимая всю трагедию своего положения и не способные что-либо изменить. Остальные тени прошлой трагедии, когда поезд сошёл с рельсов, похоронив с полсотни человек, уже не привлекали столько интереса Барта, он достаточно увидел. По крайней мере, пока они не дошли о середины. В этот миг свет замерцал и погас, всё вокруг окрасилось в красные тона, по полу растеклись липкие тёмные лужи, а на стенах возникли кровавые струи и потёки. Пассажиры в купе, возле которого их настигло видение, почернели на несколько мгновений, и Барту почудилось, будто они одеты на восточный манер, имеют арабские черты лица, а глаза их

полны ненависти. Прошло наваждение столь же стремительно, сколь налетело. Успокоив бурное биение сердца, Барт нащупал покрытое выданным лесником из Боровой бушлатом плечо Святославы (хоть свет уже восстановился, её было хорошо видно и так) и поспешил к выходу.

Тёмные силы явно начали себя проявлять, теперь надо было добраться до локомотива как можно скорее, что проще сказать, чем сделать. Барт и его спутники бросились бегом, и уже почти добрались до двери тамбура. Однако из последнего купе им навстречу выскочил лысеющий полный мужчина с бакенбардами и вытаращенными глазами. Он перегородил путь троице, Филд даже приготовился стрелять, но Слава схватила его за руку, не позволяя сделать это.

– Не идите дальше! – дрожащим голосом пролепетал мужчина. – Тут он не сможет вам навредить, в первом вагоне его власть не абсолютна. Девочка не подпустит его к вам. А там – его владения! Там все прокляты!

– Я и так проклят, – с лёгким раздражением буркнул Барт, морща лоб. – Но вам шанс мы дать можем.

– Скорее, – шепнул ему на ухо Дима. – Не надо слушать мёртвых. Мы так или иначе окажемся в аду, если не пойдём.

Филд покосился на него через плечо и прошёл прямо сквозь толстяка, распахнув дверь тамбура. Слава побежала за ним, лишь паренёк остался стоять на месте. Его лицо искривилось злой ухмылкой, глаза почернели. Бросив резкий взгляд на пытавшегося предупредить спасителей душ мужчину, от чего того всосало в купе, он скрипуче рассмеялся.

3

Сухой ветер трепался вокруг сетчатого забора, словно сам заблудился в проклятой пустыне. Грохот установок, перекачивающих нефть, разносился на километры вокруг, где-то в отдалении гремели взрывы. Боец-часовой тоскливо глядел на расплавленный горизонт, на котором проступали невысокие горы. Рёв самолётов стал уже привычным делом, однако этим утром от него сержанта Барта Филда передёргивало особенно. Путь он уже был немолод, но, как только началась вся эта заваруха в Сирии, предпочёл ехать сюда, чем торчать с вечно недовольной женой и сыном, решившим, что протирать дыры на заднице в офисе перед компьютером полезнее службы в армии, приехавшим на месяц со своей девкой, с которой не мог по-человечески расписаться. Сплошное разочарование, с которым весь виски мира не поможет справиться!

Он приехал сюда не бороться с мифическими террористами, прекрасно понимая, кому и что тут надо. Просто сержант Филд любил пострелять по движущимся мишеням, чтобы выпустить пар, а охота на оленей уже опостылила. Но хуже всего, что Барт даже не являлся психопатом, жаждущим крови, просто ему было плевать на всех, кто не он. Однако в веке и мире, поощряющем цинизм и эгоизм чуть ли ни как некие положительные качества, подобные вещи уже никого не удивляют. Песок рядом зашуршал под ботинками, рядом появился ещё один солдат вдвое моложе Барта, но также в звании сержанта.

– Что-то эти русские сегодня разошлись, а? – бодро спросил он, глянув из-под ладони в сторону крупного лагеря ИГИЛ, находящегося где-то в предгорьях в нескольких сотнях километров отсюда.

– Да уж, Джим, душу не трави, – сплюнул Филд. – Делают то, за чем я приехал. Вместо того, чтобы «спасать демократию», сидим на нефтяных дырах и сторожим, будто их кто-то украдёт.

– Это и есть демократия, друг мой! – пафосно воскликнул Джим, простирая руку к вышкам, при этом гаденько захихикал.

– Херня собачья, – рыкнул Барт.

В этот же момент раздался сигнал с другого наблюдательного поста. Словно только того и ждал, Филд метнулся к вышке, взлетел наверх и занял позицию у пулемёта. Джим заполз следом и, сняв бинокль с шеи, присмотрелся к вздымающейся на дороге к их лагерю пылевой туче. Уже вся база поднялась по тревоге, но пока приказа стрелять не давали. На разъезженной колее, ведущей от ближайшего городка, показалось три пикапа с людьми.

– А у бога забавное чувство юмора, только я пожаловался и... – почти пропел Филд.

– Ты бога-то не вплетай, – осадил его Джим. – Это могут быть гражданские.

– Хрена с два, – упорствовал Барт. – Я террориста за милю унюхаю! Сейчас устроим им Рэмбо!

– Не стреляй, дурак! Приказа не было! – завопил Джим, но в Филда словно дьявол вселился.

Ему сейчас было необходимо убить что-нибудь. И он открыл беглый огонь по машинам. Все попытки вразумления от Джима оказались тщетны. Пулемёт пятидесятого калибра за считанные секунды превратил гражданские пикапы в груды дымящегося металла.

Инцидент, который к тому же был не первым похожим, вяло расследовали, в итоге признали всех людей, ехавших в машинах, террористами, сделали Барту лёгкий выговор за то, что стрелял без приказа, и отправили домой, на всякий случай. Но наказание настигло его само. Спустя неделю после демобилизации в родной Техас семейство Филд получило известие из Франции, куда в его отсутствие уехал сын с девушкой. Путешествующего по Европе Кевина Филда с невестой зарезали два алжирца почти в центре Парижа. Забрали телефоны и бумаж-

ник с весьма скромной суммой наличных. Жена без раздумий бросила Барта, когда тот вместо горести и попыток утешить хотя бы её принялся клясть разжиревших и размякших европейшек, допускающих у себя в «сердце» натуральный беспредел, да заодно сына. Отслужи тот, «как мужик» в армии, дал бы отпор. Вместо этого стал каким-то вонючим хипстером! Кажется, нет ни горя, ни сочувствия супруге. Одна злость и обвинения всех подряд. Так Барт Филд оказался в состоянии полного морального упадка: сидел целыми днями с ружьём да бутылкой на скамейке возле дома, как стереотипный озлобленный рэднек, грозя проезжающим мимо машинам кулаками и средними пальцами.

Всю злобу, которую не мог утопить алкоголь, он выплёскивал на старого сонного дурака в Белом доме, пока, наконец, не разнёс из двустволки телевизор после очередной «патриотической речи» с угрозами отбирать у граждан оружие. А в один «прекрасный» день вообще зарядил дробью в залезшего на его участок мексиканца, удирающего от полиции. За что был отправлен в тюрьму. Жизнь на шестом десятке складывалась совсем не так, как ожидалось. Впрочем, вышел он довольно скоро. Когда задница в Вашингтоне сменилась и ветер чуть-чуть поклонился в другую сторону, его оправдали, признав, что он имел право защищаться от нелегала с судимостью за наркоторговлю, забравшегося почти в его дом. Только назад на «ранчо» Барт не вернулся. Отправился в качестве наёмника на разгоревшийся конфликт на Украине, о котором (как, пожалуй, и о самой Украине) узнал после освобождения, ещё не догадываясь, насколько судьбоносной станет эта поездка.

4

Поначалу Барта сильно забавляло, как местные «горе-вояки», как он их называл, считая, что до него-то им далеко, лебезят перед американцами, хотя остальных болванов из Третьего мира, приехавших умирать невесту за что, в грош не ставят. Затем они начали раздражать его. Он старался держаться своих. Правда, те в основном были бойцами спецподразделений под прикрытием, и на обычного служаку смотрели свысока. Прямо как он сам на украинцев. Как-то так случилось, что пару месяцев он вообще не видел перестрелок и бомбёжек, толкаясь по кабакам в тылу, а затем, когда натовское командование предприняло прорыв на территорию России, пошёл в авангарде. Вот только реальность оказалась несколько иной, нежели показывают в крутых голливудских киношках про мускулистого мужика с пулемётом наперевес. Это была уже не стрельба по безоружным, даже не привычная война с повстанцами, у которых бронежилет-то – роскошь.

По злой иронии, встряв в первом же бою в передрагу – раньше, каким бы великим воинством себя не мнил, Филд не знал, что это такое, когда на тебя с неба роями сыплется смерть, – он получил ранение и отбил от значительно поредевшей группы таких же головорезов, в конце концов потерялся в лесу. Казалось бы, в современном мире сложно заблудиться в лесополосе, но странная чаща словно перенесла его в другую реальность. А когда наступила ночь, всякая надежда выйти к своим окончательно растаяла, равно, как и надежда выжить. Едва ли русские будут рады видеть на своей земле засранца, притаившегося с другого конца света, ради «охоты на людей». Он сам бы пристрелил себя с радостью на их месте.

Кое-как перетянув кровоточащую руку жгутом, Барт побрёл, сам не понимая – куда. И тут началось... То ли дело было в серьёзной кровопотере, то ли в принятых для обезболивания наркотиках, но среди мрачных зарослей вокруг Филда стали возникать тени людей с арабской внешностью. Они тянули к нему руки и стонали, будто требуя помощи или возмездия. Барт пытался стрелять в них, но автомат не делал этого, сколько бы сержант не давил на спуск. В итоге он бросил оружие, бронежилет, снаряжение и в панике бросился бежать, чувствуя, что теряет рассудок.

И, когда сил уже не оставалось, он вылетел на лужайку с костром, возле которого сидел старик в белом одеянии, разговаривающий с огнём, словно со старым другом. Увидев раненого солдата, старик (хотя при более подробном рассмотрении становилось очевидно, что кроме седых волос и бороды в нём нет ничего старческого) холодно посмотрел на него с осуждением.

– Ты украинец? – на ломаном русском, который быстренько «освоил» после прибытия, выдавил Филд, сам не понимая, на что рассчитывает, ведь перед ним явно был не военный, затем продолжил на английском: – Я по-вашенски вообще не понимаю. Ты знаешь английский? Или... Мне нужна помощь... ясно?

– Ещё как нужна. Даже больше, чем тебе кажется. Но, уйдёшь ли ты отсюда живым, это зависит от тебя, – пробасил «старик» по-русски, однако Барту показалось, что он для него родной, поскольку понял каждое слово так, как и должно.

– Русский? – удивился Филд. – Как тебя сюда занесло? Вас не эвакуируют, что ли?

– Я гораздо больше всего этого, – грозным низким голосом продолжил старец. – Зови меня Белославом, если хочешь. Наступает Конец мира, и за тобой уже пришли. Скоро каждый ответит за свои дела. Но Отец Род милостив и позволит тебе искупить зло, спасая других. Если согласишься, выполнишь важную вещь, ради которой тебя и держат здесь пока.

– Кто?! – позабыв о ране, Барт начал заводить себя. – Я верю только в Господа нашего Иисуса Христа, который дал нам высшее право отстрелить башку любому ублюдку, что выступает против свободы и демократии для каждого!

– Можешь кривляться, сколько угодно, – хладнокровно проговорил старец, отворачиваясь обратно к огню, словно заждавшемуся своего собеседника и начавшему «скучать». – Если ты когда-нибудь серьёзно обращался к Вышнему Отцу, то ты уже беседовал с Родом. Но раз тебе на всё наплевать, полагаю ты сможешь сам разобраться с душами, которые заставил маяться.

– Так ты их тоже видишь? – нервно озираясь, спросил Филд. – Хотя о чём это я? Было бы даже глупо, если б странный обкуренный лесной хипарь не видел призраков.

Тут он полностью ощутил «прелести» кровопотери. Ноги повели в сторону, он схватился за ствол растущей на краю опушки сосны, однако не удержался и сполз на землю.

– Может поможешь мне? – просипел Барт из оставшихся сил.

– Ты же не боишься смерти, – лукаво улыбнулся в усы волхв. – Или тебя пугает то, что будет после неё? Тогда ты правильно делаешь. Эти несчастные утащат тебя во Тьму. Но и сами от своей жажды мести пострадают. согласишься помогать нам, освободишь этих бедолаг и получишь шанс исправить всё, пока мир ещё существует. А нет, так и я не посмею вмешаться в твою судьбу. Каждый сам за себя решает. Ты пришёл на нашу землю убивать наших людей, но Род милостив и позволит искупить зло. Только это будет не просто и о прошлой жизни тебе придётся забыть навсегда. Это не подарок избалованному дитю, а перековка души.

– Было бы с чем расставаться, – тяжело сглатывая кровавую слюну, выдавил Барт. – Я уже давно распрощался с ней. Чего ты от меня хочешь?

– Не я, Род. Не важно. Сейчас мир клонится к своему концу, человечество не оправдало тех ожиданий, что на него возложили Щуры, и теперь ему нужен новый старт в новой плоскости. Те, кто достоин, уйдут туда, кто нет... ну, жаль их. Только тут застряло много душ, которые не могут выйти самостоятельно по разным причинам. Они заслуживают вечной жизни и новых уроков, а обречены тёмной волей на страдания.

– А как я, по-твоему, им помогу? – цинично заметил Барт, даже не обратив внимание, что рана больше не кровоточит и не болит. – Фонариком посветить?

– Никак, увы, – вздохнул волхв. – Непосредственно ты – никак. Но твои навыки могли бы пригодиться, чтобы останавливать тех, кто не даёт нам выводить души.

– Даже не понимаю, чего ты городишь, – раздражённо буркнул Филд, вставая. – Всё очень увлекательно и познавательно, но я, пожалуй, пойду.

Он встряхнул рукой, удивлённо хмыкнул и глянул в дремучую чащу, полную тревожных шорохов и непонятных огней.

– А куда я пойду? – вдруг осознал он. – Ты говорил про мои навыки? Если ты такой умный, каким претворяешься, то должен бы знать, что за навыки у меня такие.

– Знаю, – коротко ответил старец, проведя ладонью сквозь пламя. – Сейчас пригодятся все. Раз ты тут, значит тебе дан последний шанс исправить сотворённое зло или кануть во тьму. Выбор за тобой.

– Так почему всё же я? – всё ещё борясь с противоречиями, спросил Филд.

– Потому, что ты можешь сделать нечто большое, нужное. И не обольщайся, ты не один такой, ха-ха! Многих сейчас пытаются вразумить. Только учти, легко не будет. Убивать людей – одно, а тварей мрака...

– Мрака, да? – заухмылялся Барт. – Что-то новенькое. Раз уж дороги назад всё равно нет, то я бы, пожалуй, попробовал...

5

В первую же секунду в глаза Барту ударила темнота. Под ногами захлюпала вода. Мозг сразу не осознал, что случилось с Димой. Лишь его злорадный, «царапающий» сознание смехок звенел ещё в ушах. Этот вагон выглядел, как и предыдущий, только лампы в нём либо моргали, либо давали очень тусклый свет, либо и вовсе были разбиты. По щиколотку он был заполнен чёрной водой. Не носи Барт высоких кожаных сапог с утеплением внутри, промочил бы ноги. Слава, к счастью, тоже была в сапожках. Под слабо колышущейся лоснящейся жидкостью как будто что-то двигалось, хотя глубина не позволяла скрыться ничему размерами превосходящему змею. Эхом разнёсся тихий хор стонов, мгновенно провалившийся в тишину. Охотник также отметил, что ближайшее ко входу купе перекрывало едва видимое мерцающее силовое поле или нечто в этом роде, внутри помещение было от пола до потолка заполнено водой.

– Что за новости, это поезд или корабль? К чему бы это? – сам не зная, на какой ответ и от кого он рассчитывает, проворчал Филд.

– Этот поезд погиб, сойдя с рельсов на мосту и упав в реку, – тихим светлым голоском пояснила девочка, знакомая с историями об экспрессе-призраке, притом, как будто не от людей. – Из-за чего число жертв выросло. Многие погибли, потому что захлебнулись, получив травмы или попросту не успев осознать, что происходит.

– Твою мать, – пробормотал Барт. – Никому такого не пожелаешь. Прости, конечно, за мой «французский».

Слава только хихикнула, но тут же осознала, насколько неуместно веселье в нынешних обстоятельствах. Остановившись возле того самого купе-«аквариума», девочка приложила ладонь к упругому барьеру, слабо отталкивающему её. Мужчина в полощущейся под водой, как парус, рубашке подплыл с той стороны, глядя со страхом и надеждой. Филд подошёл и похлопал Славу по плечу. Один вид раздутого посиневшего лица и белых выцветших глаз заставил его вздрогнуть. Сколько бы смерти охотник не повидал, вид утопленника пробуждал особое мрачное чувство. Словно вода взяла жертву, а не просто стала причиной гибели человека.

– Давай поторопимся, – мягко напомнил Славе Барт, чувствуя нарастающую в груди тревогу. – Поезд идёт не вечно...

Девочка вздохнула, кивнула мужчине в «аквариуме» и отвернулась, дрожа от сочувствия, которое пока никак не могло помочь несчастным. Они пошли по затопленному вагону, внимательно ставя ноги, будто интуитивно опасаясь чего-то на дне. Все оставшиеся купе перекрывали такие же невидимые барьеры, внутри аналогично, словно декоративные рыбки, плавали разбухшие люди с вытаращенными в предсмертном страхе глазами. Они стучали по прозрачным «стёклам» кулаками, опять-таки по-рыбьи раскрывая немые рты. Они будто предупреждали о чём-то. Филд же старался не смотреть на них. Зато страдания этих несчастных прибавляли его спутнице решимости добраться до конца и вывести поезд на нужный путь.

Вдруг с потолка раздался стук, точно кто-то быстро пробежал на четвереньках по крыше поезда, хотя звучал он скорее так, как если бы там был ещё один «этаж», или беготня и вовсе шла внутри самой крыши. За окнами, которые здесь не замёрзли, просто снаружи царил синеватая густая темнота ночи, вдруг вспыхнул свет. Замелькали металлические балки опор моста, затем что-то заскрежетало, состав начал крениться вперёд, готовясь занырнуть под воду.

– Проклятье! – только и выпалил Барт.

Он подхватил Славу на плечо и побежал, увязая в воде, как будто то была топкая грязь. Из чёрной колышущейся жижи полезли руки, хватая его за голени. Выхватив револьвер, который едва успел вернуть в кобуру, охотник дал пару выстрелов в те места, где должны были находиться их обладатели. Пули с фонтанами брызг ушли куда-то во тьму, словно там имелась

глубина в несколько метров. Похоже, они задели тела тварей, но те не отступили свою добычу так просто. Эта мера помогла лишь отчасти, вынудив существ чуть расцепить пальцы, но, хотя бы пнув по чёрным рукам, ослабившим хватку, Филд сумел освободиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.